

Социально- гуманитарные знания

Научно-образовательное издание.

Выходит с 1973 г.

2014

8

СОДЕРЖАНИЕ

• Человек и общество

Авилова Ж.Н., Шавырина И.В. – К вопросу о развитии иноязычного образования в вузе.....	4
Аркатова О.Г. – Аналитические переменные социокультурной адаптации иностранных студентов.....	15
Балабанова Г.Г. – Влияние материально-технических факторов на повышение производительности труда.....	23
Бахарев В.В., Надеев Г.А. – Критерии оптимизации гендерных отношений в органах государственного управления.....	33
Боженев С.А. – Мониторинг качества человеческих отношений в городском сообществе.....	40
Гавриш В.Д. – Социальные ситуации как содержание социального бытия: пространственно-временная дискретность.....	48
Галухин А.В. – Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии.....	61
Данакин Н.С., Почернин И.О. – Гендерные различия в управленческих предпочтениях.....	78
Данакин Н.С., Шутенко А.И. – Социальное управление инновациями в системе высшей школы как фактор обеспечения ее конкурентоспособности.....	86
Данакин Н.С., Шутенко А.И. – Особенности построения адаптивной образовательной среды обучения детей с ограниченными возможностями развития.....	95
Дивиченко О.И., Шарова Т.Л. – Системный подход к организации государственной поддержки малого предпринимательства.....	104
Евминов К.Н., Шкилев В.В. – Групповой контроль организационного поведения в свете социологического анализа...	117
Ивлева М.И. – Университетская спиритуалистическая философия: концепция философского образования в трудах Е.А. Боброва.....	124
	1

А.В. ГАЛУХИН
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова**

Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии

В эпистемологии термин «контекстуализм» используется для обозначения широкого спектра тематически взаимосвязанных позиций, универсалией которых является концептуально развиваемое положение о роли контекста в определении конститuentов знания и условий его атрибуции, выражающее общий принцип значимости контекстуальных факторов, которые необходимо учитывать при постановке и решении актуальных эпистемологических проблем.

Развитие стратегий контекстуализма ознаменовало дифференциацию проблемного поля аналитико-эпистемологических исследований, обусловленную новой транскрипцией классических проблем эпистемологии (таких, например, как проблема экспозиции необходимых и достаточных условий знания, будь то условия истинности, обоснованности или контрфактуальной чувствительности убеждения) и разработкой проблем принципиально иного содержания, в обращении к которым наметился выход за пределы сущностно-нормативной экспликации концепта знания и проявился общий тренд смещения анализа в плоскость метаэпистемологии¹. В этой области выделяется, например, проблема оснований и форм атрибуции знания и квалификации обладания знанием, подход к которой с позиций контекстуализма ориентиро-

---

*Галухин Андрей Владимирович, e-mail: mystolbard@gmail.com

¹ Steup M., Sosa E. (Eds.). Contemporary debates in epistemology. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2009.

ван на анализ семантики атрибутирующих знание высказываний, раскрытие их прагматических импликаций и прослеживание их истинностного значения в различных контекстах, задающих горизонт значимости норм и критериев оценки эпистемической позиции субъекта, которому приписывается знание. Такая стратегия позволяет по-новому подойти к разрешению проблемных ситуаций, в которых проявляется недостаточная определенность конститuentов знания и возникают апории, приводящие к усилению позиций скептицизма.

В целом контекстуализм представляет актуальное направление современной аналитической эпистемологии, в рамках которого тематизируется контекстуальная относительность и вариативность стандартов оценки знания и условий атрибутирования знания субъекту, т.е. демонстрируется обусловленность эпистемических стандартов телеологически структурированным, прагматически профилированным и семантически наполненным контекстом, распознаваемым либо как контекст когнитивной деятельности субъекта, либо как практически-речевая ситуация, в которой актуализируются интенциональные и рефлексивные установки атрибутора («атрибуторный контекстуализм»)¹. Исходя из способа понимания контекста и типа эпистемических стандартов выделяются различные варианты построения программы контекстуализма. Так, совмещение контекстуального подхода к определению условий атрибуции знания с семантической ориентацией анализа, в рамках которой выявляется индексикальный статус выражения «*S знает/не знает, что P*», отображается в установках **атрибуторного семантического контекстуализма**², представляющего одну из авангардных форм контекстуалистической программы. В рамках этой программы критически пересматривается принцип инвариантности оснований приписывания знания субъекту, а экспликация содержания последних про-

---

¹ Brady M., Pritchard D. Epistemological Contextualism: Problems and Prospects // The Philosophical Quarterly, 2005, Vol. 55(219), p. 161–171.

² Feldman R., Dancy J., Sosa E., Steup M. (Eds.) Contextualism // A companion to epistemology, 2nd ed. Blackwell Publishing Ltd., 2009, p.12-22.

изводится с учетом подвижности горизонтов их критериальной значимости, определяющихся сообразно профилю изменчивого речевого и практического контекста.

Наряду с этой развивающейся программой выделяется и другой вид контекстуально-аналитического проекта, представленный классическим «сущностно-эпистемическим» направлением контекстуального анализа, которое может реализовываться в специфической форме «субъектного контекстуализма». В рамках этого направления контекстуальные параметры когнитивной деятельности субъекта соотносятся с параметрами достигаемого им эпистемического состояния, оцениваемого исходя из определенного нормативно заданного понимания сущностной конституции знания. Если позиции классического сущностно-эпистемического контекстуализма формируются и развиваются в плане критического обсуждения концептов знания или оправдания когнитивных полаганий исходя из распознавания реального контекста познавательной деятельности субъекта и выделения общих параметров контекстуальной зависимости конститuentов эпистемической значимости полаганий (убеждений), то семантико-эпистемический контекстуализм выходит за границы непосредственного эпистемологического исследования свойств знания, контекстов его получения и способов оправдания, обращаясь преимущественно к проблемам контекстуальной семантики эпистемически-атрибутивных выражений и контекстуальной вариативности условий истинности предложений, выражающих пропозиции приписывания знания. В последнем случае тематизируется, как правило, не контекст субъекта знания, но контекст атрибутора, приписывающего знание субъекту. Исходя из такого понимания контекста, выделяется и рассматривается феномен контекстуально-вариативного определения эпистемических стандартов, соответствие которым служит основанием для установления истинностного статуса атрибуций знания¹. Поскольку эпистемические стандарты распознаются в кон-

---

¹ *Cohen S. Knowledge and Context // Journal of Philosophy, 1986, № 83, p. 574–583.*

тексте атрибутора, постольку контекстуализм получает соответствующее обозначение «атрибуторного контекстуализма». От атрибуторного контекстуализма, как уже было сказано, следует отличать субъектный контекстуализм, который в контексте оценки состоятельности позиций знания/незнания выделяет, различает и учитывает параметры субъекта знания (такие, например, как его фоновые представления, располагаемые свидетельства, когерентные полагания) или параметры его объективной ситуации, обобщаемые на уровне представления о том, например, какие экстерналистически-релевантные альтернативы в плане объективно-предметного содержания когнитивных полаганий могут быть выделены и подвергнуты экспертизе¹.

Исходная же позиция семантического атрибуторного контекстуализма, как правило, получает экспликацию в форме семантически-проблемного тезиса о значении предложений, в которых выражено утверждение или отрицание относительно приписывания знания, значимое в контексте атрибутора. В этом плане показательно положение, высказанное Кейтом ДеРоузом, одним из ведущих современных теоретиков семантически-атрибуторного контекстуализма, положение, ставшее хрестоматийным и показательным для этой линии развития программы: «контекстуализм» обозначает позицию, согласно которой условия истинности предложений, выражающих утверждение или отрицание в плане приписывания знания (предложений, имеющих форму «S знает, что P» или «S не знает, что P») не являются инвариантными, но изменяются - варьируются определенным образом в зависимости от того или иного контекста, в котором эти предложения употребляются². За различием контекстов, по одной из версий контекстуализма, можно усматривать различие в структуре поля рефлексивных возможностей

---

¹ *Williamson T., Preyer G., Peter G. (Eds.) Knowledge, context, and the agent's point of view // Contextualism in philosophy. Knowledge, meaning, and truth. Oxford University Press, 2005, p. 91-114.*

² *DeRose K., Greco J and Sosa E. (Eds.) Contextualism: An Explanation and Defense // The Blackwell Guide to Epistemology. Malden MA: Blackwell Publishing Ltd, 1999, p.186 .*

атрибутора, употребляющего для выражения пропозиций приписывания знания такого типа предложения, горизонтом осмысленности которых являются его «цели, интенции, ожидания, допущения»¹ и практическая (речевая) ситуация в целом, что сказывается в подходе к оценке состояния знания/незнания. Горизонт этот может меняться, обуславливая сдвиги эпистемических стандартов, сопряженные с трансформацией контекстов. Позицию семантического атрибуторного контекстуализма выразил более определенно Эрл Кони: «эпистемический контекстуализм полагает, что истинностные условия для токенов предложений, которые содержат выражения типа “знает” («S знает, что P» или «S не знает, что P» и эквивалентные им выражения), изменяются вместе с контекстом атрибутора»².

В этом аспекте, как замечает Г. Кастаньеда, выражение “знает” в составе эпистемически-атрибутирующих предложений относится к разряду индексикальных выражений, значение которых определяется относительно контекста, требующего спецификации в эксплицируемой системе актуальных подразумеваний³. В числе таких индексикалов можно выделить, например, такие выражения, которые используются для указания, реализуемого при условии идентификации предмета, о котором осмысленно идет речь в определенной ситуации («тот», «этот» и т.п., - в этом случае, как правило, можно ввести оператор индивидуальной дескрипции); а также это выражения типа «я», «ты», «оно» и т.п. Такого рода выражения имеют контекстуально релятивное значение и используются логически функционально для обозначения, например, того, кто выступает в статусе субъекта предикации, выделяется как предмет экзистенциальных полаганий (напр.,

---

¹ Lewis D. Elusive Knowledge // Australasian Journal of Philosophy, 1996, № 74, p. 549–567.

² Conee E., Steup M., Sosa E. (Eds.) Is knowledge contextual? Contextualism contested // Contemporary debates in epistemology. Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd., 2009, p.51.

³ Castañeda H. The Theory of Questions, Epistemic Powers, and the Indexical Theory of Knowledge // Midwest Studies in Philosophy, 1980, № 5, p. 193–237.

«я существую»), представлен как член отношения или адресат обращения, которое имеет смысл в контексте, допускающем различие и представление референта. Например, понятие «я» употребляется в логической функции субъекта и фиксируется индексикалом, который в предложении выступает на месте подлежащего: такое «предложение используется, чтобы утверждать нечто истинное, только если предикат сказывает нечто истинное относительно субъекта как именно того, кто в данной ситуации высказывает нечто посредством этого предложения»¹. Предполагается, что референция «я» в высказываниях типа «я знаю», так же как и референция «ты» в высказываниях типа «ты счастлив» устанавливается контекстуально. Соответственно, контекстуальная определенность значения индексикальных выражений обуславливает то, что предложения, содержащие данные выражения, имеют различные условия истинности в различных контекстах. П. Райзью полагает, что именно так – через контекстуальную зависимость условий истинности объясняется вариативность истинностного статуса таких предложений. Позиция эпистемического контекстуализма иногда раскрывается в терминах контекстуальной вариативности истинностных значений атрибутирующих знание предложений, но истинностные значения этих предложений изменяются только потому, что «в различных контекстах они выражают разные пропозиции»². Следует отметить, что в рамках контекстуального подхода прорабатываются различные варианты понимания базисного параметра, который, будучи конститутивно значимым для атрибуции знания, изменяется вместе с контекстом. В качестве контекстуально зависимого вариативного параметра выделяются: (1) предельный показатель оправданности убеждения (Коэн), (2) диапазон эпистемических альтернатив (Льюис), (3) контрфактуальная чувствительность (Нозик-ДеРоуз), (4) стандарты силы эпистемиче-

---

¹ Conee E. Ibid, p. 49-50.

² Rysiew P., Edvard N. Zalta (ed.) Epistemic Contextualism // The Stanford Encyclopedia of philosophy, 2007. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 14.11.2011. URL: (дата обращения: 8.06.2014).

ской позиции субъекта, которому приписывается знание (ДеРоуз)¹. Так, если использовать концептуальный аппарат ДеРоуза, то принципы контекстуализма можно сформулировать следующим образом: употребляемые атрибутом предложения выражают пропозицию приписывания знания только относительно контекстуально определенных стандартов; изменение контекста актуализирует значение новых стандартов и, соответственно, изменяет то, что высказывается с помощью этих предложений; вне определенного контекста исключена возможность выражения пропозиции приписывания знания. Различие контекстов, в котором атрибут употребляет для выражения пропозиций приписывания знания предложения определенного типа («S знает, что P» или «S не знает, что P»), может быть специфицировано на основе принципа различия в «силе эпистемической позиции» (выражение ДеРоуза), т.е. такой позиции, в которой субъект должен находиться, чтобы предложение, выражающее атрибуцию знания, имело значение «истины». Так, в одних контекстах (например, в контекстах предельной критической рефлексии, когда атрибут выступает в роли эксперта, актуализируя скептические установки, подобные картезианскому методическому сомнению) для истинности предложения «S знает, что P» необходимо, чтобы S имел истинное убеждение, что P, и при этом находился в такой эпистемической позиции относительно P, сила которой определяется через задание условий достоверности, соответствующих, например, стандартам аподиктического знания. В других контекстах, например, в контекстах повседневной практики и обыденного словоупотребления, для установления истинности того же самого предложения достаточно, чтобы S имел истинное убеждение, что P, и при этом занимал положение, удовлетворяющее более низким эпистемическим стандартам, т.е. обладал ресурсами обоснованности или контрфактуальной чувствительности убеждения, позволяющими от-

---

¹ Schaffer J., Preyer G., Peter G. (Eds.) What shifts? Thresholds, standards, or alternatives? // Contextualism in philosophy. Knowledge, meaning, and truth. Oxford University Press, 2005, p.115-130.

слеживать истину в ближайших «возможных мирах», исключая предельные контрфактические ситуации¹. Таким образом, с позиций контекстуализма допустимо, чтобы одно и то же предложение «S знает, что P», выражающее атрибуцию знания, было истинным в одном контексте, поскольку в нем задействованы одни эпистемические стандарты, и ложным в другом контексте, когда применяются другие, возможно, более высокие стандарты оценки состоятельности притязаний на знание, т.е. выделяются такие основания приписывания знания субъекту, которые «отформатированы» с позиций значимости регулятивов и прагматических установок, релевантных данному контексту. При этом существенно то, что в обоих случаях речь идет о том же самом S и том же самом P, рассматриваемых в одно и то же время². В этом пункте позиция контекстуализма вступает в противоречие с позицией классического «инвариантизма» (термин Питера Ангера). Исходным для «инвариантизма» является положение, что есть только один инвариантный набор стандартов, которые определяют значение атрибуций знания независимо от контекста, в котором эти атрибуции производятся, т.е. истинностные условия предложений, выражающих пропозицию приписывания знания, фиксированы и не подлежат контекстуально вариативным детерминациям, поэтому «S знает, что P» может быть либо истинным, либо ложным³. По замечанию ДеРоуза, для инвариантиста нет принципиальной необходимости отрицать, что существуют различные речевые контексты и практические ситуации, такие, что приписывание знания, производимое в одних контекстах (с относительно «низкими» стандартами), будет расцениваться как практически недопустимое или просто irrelevantное в других контекстах (с относительно «высокими» стандартами). Что действительно отрицает инвариантист, так это то, что «различные стандарты, которыми в опреде-

---

¹ DeRose K. Assertion, Knowledge and Context // The Philosophical Review, 2002, Vol. 111(2), p. 167–203.

² Cohen S. Replies // Philosophical Issues, 2000, № 10, p. 132–139.

³ Unger P. Philosophical Relativity. Basil Blackwell, Oxford, 1984.

ленной ситуации или контексте мы будем руководствоваться, когда будем приписывать знание субъекту, и/или стандарты, в силу признания значимости которых мы в некотором смысле *гарантированы* в атрибутировании знания, отражают различные стандарты *истинности* эпистемических атрибуций»¹. Согласно принципиальной позиции инварианиста, условия истинности предложений, выражающих пропозиции приписывания знания, сами по себе не являются релятивными и вариативными, но определены, инвариантны, фиксированы безотносительно к контексту атрибутора. Э. Кони обозначил эту позицию вполне определенно: все приписывающие знание предложения имеют одни и те же условия истинности, что, однако, не исключает применения актуальными или возможными атрибуторами контекстуально различных стандартов для приписывания знания². Так, Ф. Дретске, полемизируя с контекстуалистом Стюартом Коэном, допускает с учетом позиций экстернализма, что «знание относительно», но относительность следует понимать в смысле отношения «к положению *знающего субъекта*»: знание можно рассматривать, выделяя за пределы субъективной очевидности обстоятельства (“extra-evidential circumstances”), в которых конституируется позиция субъекта как *знающего*, и соотносить эту позицию с положением тех, которые, как и субъект, притязающий на знание, придают значение тому, какова истинная суть постигаемого предмета. Согласно Дретске, «знание восприимчиво к контексту, но не индексикально. Если два человека расходятся относительно того, что известно, то они имеют действительное расхождение. Они не могут быть оба правы»³. Однако, установка инварианистов, индуцирующая отрицание зависимости условий истинности приписывающих знание предложений от эпистемических стандартов, применяемых атрибутором в том или ином контексте, не учитывает в полной мере ас-

---

¹ DeRose K. Ibid., p.169-203.

² Conee E. Ibid, p. 53.

³ Dretske F. Knowledge: Sanford and Cohen // McLaughlin B. (Ed.). Dretske and his Critics. Basil Blackwell, Oxford, 1991, p. 185–196.

пект рефлексивной определенности этих условий, ибо не исключена возможность трактовки смены контекстов как смены рефлексивных позиций атрибутора, в статусе которого может выступать субъект познания. Радикальный инвариантизм может обернуться, по выражению ДеРоуза, «семантической слепотой», контрпродуктивной для разработки решения ряда эпистемологических проблем, таких, например, как проблема парадоксов скептицизма.

Для уяснения собственных позиций семантического контекстуализма следует понимать, что демонстрация контекстуальной вариативности эпистемических стандартов, сообразно которым определяется истинность или ложность выражающих атрибуцию знания предложений, может рассматриваться как движение в спектре семантических возможностей выражения «знать», которому соответствует анализ ситуативно задаваемых условий актуализации различных значений этого выражения в том или ином контексте его употребления. Так, в порядке исследования контекстуальной семантики эпистемически-атрибуторных выражений обосновывается различие контекстов, в которых оправдано применение «высоких» или «низких» эпистемических стандартов, вменение «сильных» или «слабых» эпистемических позиций, хотя модели контекстуальной спецификации условий истинности атрибутирующих знание предложений могут выстраиваться и с помощью других категорий. В этом пункте контекстуализм, как может показаться, сближается с эпистемологическими программами, допускающими различие знания в «сильном» смысле и знания в «слабом» смысле и ведущими поиск критериального выражения этого различия: в одном – «сильном» смысле действительность обладания знанием устанавливается по условиям достижения некоей критически выверяемой абсолютной достоверности, которым соответствует, по версии фундаментализма, предельное обоснование истинных полаганий. В другом смысле для установления знания и атрибуции его субъекту достаточно апелляции к причинам и основаниям, стандарты которых задаются, например, на основе принципа относительной выверенности и практической релевантности, что позволяет вы-

делить обыденный смысл выражения «знать»¹. Подобные эпистемологические дистинкции задействуются, например, при решении проблемы демаркации научного и ненаучного знания. Однако установки контекстуализма выходят за рамки эпистемологической стратегии, использующей эту дистинкцию для целей анализа знания. С одной стороны, данная дистинкция может рассматриваться как модификация классической концепции знания как «оправданного истинного убеждения» в свете теории дискурсивных различий, которые контекстуализм может учитывать при определении условий воспроизводимости контекстов значимости различных эпистемических стандартов. С другой стороны, для контекстуализма очевидна ограниченность этой дистинкции и ее редукционистский потенциал, который особенно проявляется, когда значение ее раскрывается исключительно в плане решения проблемы демаркации и замыкается на этот особенный момент структуризации эпистемического поля. Контекстуальная семантика эпистемически-атрибуторных выражений не исчерпывается проведением различия двух смыслов выражения «знать», чреватого привлечением демаркационистских коннотаций. По замечанию Р. Фельдмана, контекстуализм стремится показать, что выражение это «имеет целый круг системно связанных значений», соответственно, стандарты его употребления, выражающие атрибуцию знания, «меняются по всему спектру этих значений», проявляемых в том или ином контексте². ДеРоуз когерентно утверждает, что «современные теории контекстуализма не ограничиваются позицией, что существует два различных типа эпистемических стандартов, соответственно которым определяются условия истинности атрибуций знания, но постулируют широкий круг разнообразных стандартов»³. Собственно, семантический контекстуализм не занимается непосредственно проблемой стандартов оправдания или обоснова-

---

¹ DeRose K. The Ordinary Language Basis for Contextualism and the New Invariantism // *The Philosophical Quarterly*, 2005, Vol. 55(219), p. 172–198.

² Feldman R. Ibid, p.13.

³ DeRose K. Assertion, Knowledge and Context. P. 167–203.

ния, проблемой, которая ставится и решается в порядке экспликации различных идеалов и типов знания. Однако это вовсе не означает, что концепт «оправдания», выступая в ряду других рефлексивных определений относительно условий знания, не может быть также сконструирован и эксплицирован с позиций контекстуализма¹. Действительно, его нормативное содержание может определяться в порядке дифференции контекстуально-релевативных отношений, а диапазон его релевантного употребления - в порядке различения экспертных контекстов. Так, общая позиция, которая может быть заявлена в этом случае, состоит в том, что стандарты для оправданного полагания, которым должна соответствовать позиция субъекта, чтобы установить истинность предложений, описывающих его полагание как оправданное, варьируются с контекстом. Но в современных подходах к разработке позиций контекстуализма преобладает тенденция к принципиальному различению контекстуального анализа знания и контекстуального анализа его оправдания. Пока лишь достаточно заметить, что в аналитической эпистемологии была так или иначе продемонстрирована проблематичность однозначного отношения между знанием и оправданием: векторы проблематизации прослеживаются от представления аргументов в пользу несводимости знания к оправданному истинному убеждению ("Gettier-problem") до разработки таких подходов, которые демонстрируют либо невозможность предельного оправдания и несостоятельность джастификационистских стратегий (в философии науки показательны в этом плане историцистские модели научной рациональности и методология фальсификационизма), либо недостаточность оправдания как условия знания и необходимость определения дополнительных условий знания и критериев эпистемической состоятельности (в эпистемологии показательны в этом плане концепция релевантных альтернатив Ф. Дретске и модально-треккинг-подход к

---

¹ *Lepplin J.* A theory of Epistemic Justification. Springer Science+Business Media B.V., 2009, p.129 – 142.

анализу знания Р. Нозика¹). С этих позиций вполне оправданным представляется различие контекстуализма как позиции относительно знания (эпистемический контекстуализм в широком смысле) и атрибутирующих знание предложений (семантический атрибуторный контекстуализм) и контекстуализма как более специфической позиции относительно оправдания - обоснования полаганий, претендующих на то, чтобы быть удостоверенными в статусе знания. Проводя это различие, ДеРоуз исходит из общего положения, закрепившегося в современной эпистемологии, что знание не сводится только к оправданному истинному убеждению: круг условий для удостоверения полагания в статусе знания превосходит то, что отражено различными стандартами истинности и обоснованности². Более того, если продемонстрировать, что конститутивные условия знания не только превосходят эти классические стандарты, но и актуализируются в контекстуально различных формах, то это может быть использовано как аргумент в пользу гетерогенности оснований приписывания знания. Во всяком случае, эпистемический контекстуализм нейтрален как в отношении фундаментализма, так и в отношении когерентизма. Эвристический потенциал атрибуторного контекстуализма актуализируется в плане демонстрации различия контекстов приписывания знания как различия контекстуально релевантных эпистемических стандартов и выявляемых показателей силы эпистемической позиции, вменяемой субъекту по условиям атрибуции знания. Раскрытие механизмов изменения как первых, так и вторых от одного контекста к другому позволяет учитывать факторы контекстуальной трансформации параметров состоятельности притязаний на знание в системах аргументации по ряду значимых эпистемологических проблем, включая

---

¹ *Nozick R.* Philosophical explanations. Cambridge MA: Harvard University Press, 1981, p. 182-217.

² *DeRose K.* Contextualism and Knowledge Attributions // *Philosophy and Phenomenological Research*, 1992, № 52, p. 913-929.

проблему Гетье, и сформулировать аргументированный ответ на вызов скептицизма¹.

Так, общая стратегия контекстуалистического подхода к выработке аргументированного ответа на вызов скептицизма заключается в демонстрации того, что есть такие контексты (например, контексты повседневной практики), в которых индуцированное скептиком допущение возможности радикального заблуждения, подрывающего основания атрибуции знания, является совершенно иррелевантным, поскольку в этих контекстах задействованы совершенно другие, возможно, более низкие, но вполне релевантные стандарты и критерии оценки силы эпистемической позиции субъекта, чем в *контексте скептики*, для которого актуальна радикализация экспертизы притязаний на знание, создающая, как объясняет контекстуалист, эффект повышения эпистемических стандартов, способный привести к скептическим заключениям, если применять эти стандарты в обычных контекстах. С позиций контекстуализма, скептическая аргументация может быть если не нейтрализована, то, по крайней мере, ограничена определенной областью истинности скептических выводов, чтобы иммунизировать притязания на знание в контекстах, отличных от контекста скептики. Скептик спекулирует на том, что компетенции атрибутора оказываются недостаточными для распознавания различия между стандартами, которые применяются для оценки знания в контекстах, задействующих возможности радикальной экспертно-скептической рефлексии, обращенной на предельные основания опыта, и стандартами, задействованными, например, в контекстах повседневной коммуникативной и практической деятельности, для которых такая рефлексия не актуальна: «Поскольку скептик приходит к заключениям, которые являются истинными, за счет повышения стандартов знания, скептический аргумент не угрожает истинности наших обычных притязаний на знание.... Ибо то обстоятельство

---

¹ Cohen S. Contextualist Solutions to Epistemological Problems: Scepticism, Gettier, and the Lottery // *Australasian Journal of Philosophy*, 1998, № 76, p. 289–306.

во, что скептик смещает контекст в сторону более высоких стандартов, не является решающим в плане демонстрации того положения, что мы не можем удовлетворять более ослабленным стандартам, релевантно задействованным в обыденных контекстах...»¹. Итак, контекстуализм признает значение скептической аргументации, применяемой для проблематизации возможностей знания и оснований его атрибуции. Но утверждение контекстуальной релевантности условий реализации пропозициональной установки в отношении скептических допущений позволяет ограничить область истинности скептических выводов. Таким образом, контекстуализм демонстрирует возможности иммунизации истинностного статуса высказываний, выражающих пропозицию приписывания знания в тех контекстах, в которых, несмотря на то, что для атрибуции знания задействованы относительно низкие стандарты, эпистемическая позиция субъекта оказывается достаточно сильной, чтобы удостоверить статус обладания знанием. Объяснение механизмов трансформации контекстуально зависимых эпистемических стандартов позволяет обозначить пределы корректности производимых атрибуций знания и представить в качестве условия определения истинностного статуса последних движение в спектре многообразных значений предикатора «знает», актуализируемых и парадигмально закрепляемых в широком диапазоне контекстов – от коммуникативно-практических контекстов повседневности до экспертно-критических контекстов специализированной дискурсивной практики, реализуемой, например, в форме научного исследования или философской рефлексии.

Галухин А.В. Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии. В статье представлены результаты пропедевтического исследования установок контекстуалистского подхода к проблемам теории знания. Контекстуализм рассматривается как актуальное направление современной аналитической эпистемологии, в рамках которого тематизируется контек-

---

¹ DeRose K., Sosa E (Ed.). Solving the skeptical problem. // Epistemology: An Antology. 2-nd edition. Blackwell. Publishing Ltd., 2009, 681 p.

стуальная относительность и вариативность стандартов оценки знания и условий атрибутирования знания субъекту, демонстрируется обусловленность эпистемических стандартов практическим или семантическим контекстом, распознаваемым либо как контекст когнитивной деятельности субъекта («субъектный контекстуализм»), либо как контекст актуализации интенциональных и рефлексивных установок атрибутора («атрибуторный контекстуализм»). Совмещение установок атрибуторного контекстуализма с семантической ориентацией анализа задает вектор предметного сдвига в область мета-эпистемологии. В рамках этого направления прорабатываются проблемы контекстуальной семантики атрибутирующих знание высказываний, прослеживается зависимость условий истинности эпистемически-атрибутивных пропозиций от вариативных контекстов, в которых задействованы различные стандарты измерения силы эпистемической позиции субъекта для определения основательности атрибуции знания. Задание условий контекстуальной релевантности эпистемических стандартов и раскрытие механизмов их изменения, сопряженного с трансформацией контекста, предпосылается решению ряда значимых проблем эпистемологии, таких, например, как проблема парадоксов скептицизма.

Ключевые слова: эпистемология, анализ, знание, атрибуция знания, контекст, эпистемические стандарты, условия истинности, семантика, скептицизм.

Galukhin A.V. The strategy of attributer contextualism in epistemology. Epistemic contextualism is a novel methodological approach and conceptual trend in the analytical epistemology. The strategy of contextualism is based on the paradigmatic claim that standards for the evaluation of knowledge are context sensitive, and conditions on which knowledge can be attributed to a subject are relative and variable, which is accounted for in terms of their being determined by specific semantical, practical or conversational contexts. The basic assumption here is that in different contexts the value of knowledge and principle of knowledge attributions can be explicated differently. In fact, the programmes of contextual analyses may differ in their specific orientations, either “substantive” or semantic, and the conceptions of “context” may differ as well respectively; the crucial distinction here is that between the context of the cognitive activity of a subject (“subject conceptualism”) and the context of knowledge attributions in which intentional and reflective positions of an attributer become actual (“attributer contextualism”).

Thus, the combination of attributor contextualism with semantic orientation of analyses forms the preconditions for the shift towards meta-epistemology. Contextualist approach was designed to provide a sustainable response to the challenges of skepticism.

Keywords: epistemology, analysis, knowledge attribution, context, epistemic standards, truth-value conditions, semantics, skepticism.